их авторитет. Нужды нет, что все это было вымыслом, что в Ростове Мономах совсем не строил собора, а действительно построенный им Суздальский собор вовсе не следовал „мере“ желаемого Печерского „образца“. Вымыслом было полно церковно-литературное творчество владимирских витий и политиков XII века, аргументировавших свои реальные претензии созданием новых легенд к вящей славе своего княжества. В этой связи естественно было предать забвению простую и реальную картину постройки Мономахом по совету с епископом переславским Ефремом сравнительно небольшого собора в Суздале, который возможно и строили переславские мастера Ефрема без всякой „чудесной связи“ с печерской святыней. Поэтому рядом с реальным Ефремом переславским, исчезнувшим из повествования Симона, в его списке епископов появляется „Ефрем суздальский“, также никак не участвующий в переносе Мономахом на север печерской традиции.

Такова еще одна археологически обнаруженная „печерская легенда“, вплетенная Симоном в его „Слово о создании церкви Печерской“ и являющаяся едва ли не основным побудительным мотивом и к самому составлению „Слова“ и его идейной концовкой.

В этой связи становится вполне ясным, что и рассказ Симона о „чудесном“ приходе цареградских зодчих, якобы строивших Печерский храм, является также „историко-архитектурной легендой“, созданной Симоном с теми же целями прославления Печерского монастыря как носителя ортодоксальной архитектурной традиции.[1] В действительности Русь конца XI века не нуждалась в новом призыве греков — развитие русского зодчества было целиком в руках русских мастеров.

И все же разобранная в этой заметке „печерская легенда“ не теряет своего большого исторического значения. Она в искаженной церковно-религиозной форме отражает реальную значимость киевского культурного наследия для формирования культуры Северо-восточной Руси. Данный частный случай проявления этой киевской традиции в распространении определенной архитектурной типологии также остается в силе, но с иной формулировкой. Сейчас, после новейших археологических исследований в Киеве, можно полагать, что действительным „образцом“ трехнефных, шестистолпных храмов конца XI—XII веков было основное шестистолпное ядро Десятинной церкви (Успения богородицы).[2] Ее размеры (15.75×24.50 м) довольно близки размерам Суздальского собора Мономаха (15.0×23.5 м), который, по данным поздних источников, также первоначально назывался Успенским.[3]

Стремление же епископа Симона как можно убедительнее и конкретнее обосновать свою легенду и показать связь Владимирского княжества и церкви с культовой и художественной традицией Печерского монастыря — очага национального, антигреческого течения в церковной политике — имело глубоко положительный смысл. Симон и Поликарп, „всегда подчеркивая в своем изложении общерусское значение Печерского монастыря и его деятелей..., доводили до сознания широких масс одну из самых исторически прогрессивных идей литературы и предшествующего периода — идею единства Русской земли. И в этом их несомненная заслуга“.[4]

---

[1] Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси, стр. 150.

[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. К., 1950, стр. 75.

[3] Летописец XVIII в. Древняя российская вивлиофика, т. 19. М., 1791, стр. 366—367.

[4] История русской литературы, т. I, стр. 346.